

Научная статья

УДК 94 (470. 6) "18"

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.11>

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ РОССИИ И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ

Руслан Ибрагимович Плиев

Пятигорский государственный университет (д. 9, пр-т Калинина, Пятигорск, 357500, Российская Федерация)
Аспирант
pliew.r2018@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7217-9837>

Аннотация. Введение. Статья посвящена анализу геополитического противостояния России и Османской империи на Северном Кавказе в первой половине XIX в. Автором статьи выявляются основные предпосылки, ставшие поводом для исторического противоборства, формулируются стратегические интересы сторон конфликта, характеризуются экономические, политические и культурные мотивы, усилившие геополитическую конкуренцию на Северном Кавказе в рассматриваемый период. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе текстов отечественных и зарубежных кавказоведов, сборников опубликованных документов и материалов, полученных из фондов центральных архивохранилищ Российской Федерации (АВПР И, РГАДА). В качестве приемов историко-политического исследования использовались ретроспективный, историко-генетический, историко-сравнительный и персонально-биографический методы.

Автором анализируются глубинные предпосылки актуализации османского фактора в эскалации событий Кавказской войны, выделяются объективные и субъективные факторы, способствовавшие закономерному столкновению интересов двух стран на Северном Кавказе как регионе, в котором рациональные экономические и геополитические мотивы двух империй были дополнены идеологическими соображениями, направленными на защиту народов, относившихся к исламской и православной цивилизациям. **Анализ.** Автор статьи обращает внимание на глубокие исторические корни русско-турецкого конфликта на Кавказе в XIX в., сформированные смещением баланса сил между государствами в ходе XVIII столетия, когда успешные завоевательные походы русской армии лишили Османскую империю геополитического влияния на обширных пространствах Северного

Кавказа и Северного Причерноморья. Также особое место в исследовании занимает проблема роли западных стран в эскалации конфликта между Санкт-Петербургом и Стамбулом в рассматриваемый исторический период. **Результаты.** Автором подчеркивается тот факт, что антироссийская позиция Великобритании и Франции в кавказском вопросе имела большое значение в контексте развития событий Кавказской войны. При этом проосманская политика Лондона и Парижа была продиктована реалистическими соображениями данных правительств, стремившихся за счет поощрения турецкого реваншизма сдержать экспансию России на территории, представлявшей для них стратегический интерес. С данной точки зрения Кавказская война рассматривается автором как часть «большой игры» России и Великобритании, соперничавших за лидерство на евразийском континенте.

Ключевые слова: Российская империя, Северный Кавказ, Османская империя, ориентализм, геополитическое противостояние, великие державы, кавказский вопрос, геополитическое сдерживание, ислам, этнополитический ландшафт

Для цитирования: Плиев Р. И. Геополитическое противостояние России и Османской империи на Северном Кавказе в первой половине XIX века: основные причины и исторические следствия // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11 (1). С. 105-111. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.11>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 17.10.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 23.01.2024.

Статья принята к публикации: 25.02.2024.

Research article

GEOPOLITICAL CONFRONTATION BETWEEN RUSSIA AND THE OTTOMAN EMPIRE IN THE NORTH CAUCASUS IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY: THE MAIN CAUSES AND HISTORICAL CONSEQUENCES

Ruslan I. Pliev

Pyatigorsk State University (9, Kalinina Avenue, Pyatigorsk, 357500, Russian Federation)
Postgraduate student
pliew.r2018@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7217-9837>

Abstract. Introduction. The article analyzes geopolitical confrontation between Russia and the Ottoman Empire in the North Caucasus in the first half of the 19th century. The author identifies the main prerequisites that became the reason for the historical confrontation, formulates the strategic interests of the parties to the conflict, characterizes the economic, political and cultural motives that increased geopolitical competition in the North Caucasus during the period under review. **Materials and Methods.** The study is based on the analysis of texts by domestic and foreign scholars studying the Caucasus, collections of published documents and materials obtained from the funds of the central archives of the Russian Federation (AVP RI, RGADA). Retrospective, historical-genetic, historical-comparative and personal-

biographical methods were used as methods of historical and political research.

The analysis of the underlying preconditions for the actualization of the Ottoman factor in the escalation of the events of the Caucasian War is carried out. The study specifies objective and subjective factors that contributed to the natural clash of interests of the two countries in the North Caucasus as the region in which the rational economic and geopolitical motives of the two empires were supplemented by ideological considerations aimed at protecting the peoples, belonging to Islamic and Orthodox civilizations. **Analysis.** Special attention is paid to deep historical roots of the Russian-Turkish conflict in the Caucasus in the 19th century formed by a shift in the balance of power between

states during the 18th century. Successful conquests of the Russian army deprived the Ottoman Empire of geopolitical influence in the vast areas of the North Caucasus and the Northern Black Sea region. Also, a special place in the study is occupied by the problem of the role of Western countries in the escalation of the conflict between St. Petersburg and Istanbul during the historical period under review. **Results.** The author emphasizes the fact that the anti-Russian position of Great Britain and France on the Caucasian issue was of great importance in the context of the development of events of the Caucasian War. At the same time, the pro-Ottoman policy of London and Paris was dictated by realistic considerations of these countries, which sought, by encouraging Turkish revanchism, to restrain Russian expansion in territories of strategic interest to them. From this point of view, the Caucasian War is considered by the author as part of the "great game" of Russia

Введение / Introduction. Одной из главных причин обострения социально-политической, экономической и культурной напряженности на Северном Кавказе в начале XIX в. являлось уникальное геополитическое положение кавказского региона, превратившего его в арену напряженного противостояния, как между крупными региональными государствами, так и между великими державами XIX столетия.

Материалы и методы / Materials and methods. При анализе геополитической ситуации и связанных с ней политических процессов и их участников, автором использовались ретроспективный, историко-генетический, историко-сравнительный и персонально-биографический методы, позволившие обосновать точку зрения на ход и направленность разворачивавшихся событий, а также выявить их причинно-следственные связи и показать степень и характер вовлеченности каждого участника геополитического противоборства, их нацеленность на конкретные результаты.

Рассматривая Северный Кавказ в свете геополитического противостояния ведущих стран мира XIX столетия, необходимо обратить особое внимание на тот факт, что центральными и наиболее активными игроками на северокавказском пространстве, использовавшими регион для сохранения или расширения своего влияния в зоне Черного и Каспийского морей, а также в Закавказье, являлись Российская и Османская империи. Каждое из двух государств имело жизненно важные интересы в регионе Северного Кавказа, от реализации которых зависели как перспективы их экономического процветания, так и их место в рамках системы международных отношений. На это с разной степенью убедительности и глубины политического анализа указывают З. Ю. Адзинова [1, с. 11], В. В. Дегоев [6, с.124], Н. А. Смирнов [15, с. 4], Л. Д. Федосеева [18, с. 15]. Исследование представленных точек зрения названных авторов, их подходов в опреде-

and Great Britain, which competed for leadership on the Eurasian continent.

Keywords: Russian Empire, North Caucasus, Ottoman Empire, Orientalism, geopolitical confrontation, great powers, Caucasian issue, geopolitical containment, Islam, ethnopolitical landscape

For citation: Pliev R.I. Geopolitical confrontation between Russia and the Ottoman Empire in the North Caucasus in the first half of the XIX century: the main causes and historical consequences. *Humanities and law research*. 2024;11(1):105-111. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2024.1.11>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 17.10.2023.

The article was approved after reviewing: 23.01.2024.

The article was accepted for publication: 25.02.2024.

лении места и роли Северного Кавказа в их геополитических притязаниях проводилось с учетом исторического контекста и метода научного синтеза, двигаясь от конкретного к абстрактному, с целью получения новых знаний по рассматриваемой проблематике.

Анализ / Analysis. Автор статьи обращает внимание на то, что Российская империя имела долгую историю попыток утверждения на Северном Кавказе, а также отмечает, что укрепление российского влияния в этой части мира было направлено на достижение двух фундаментальных целей российской внешней политики на южном направлении – обеспечение стабильного выхода страны к черноморскому побережью, а также выведению христианских народов Закавказья – Грузии и Армении – из зоны влияния Османской империи. В этом позиция автора совпадает с мнением З. Ю. Адзиновой [1, с.13].

Присоединение территории Северного Кавказа к Российской империи также в значительной степени отвечало духу внешней политики Российского государства, сама логика, которого исторически носила четко выраженный экспансионистский характер. При этом убеждение в необходимости пространственного расширения России являлось единым для подавляющего большинства представителей российской элиты XIX в. – правящей семьи Романовых, военной аристократии и русского дворянства. Высшее политическое руководство Российской империи видело в территориальном расширении средство укрепления своего международного влияния, военная и дворянская аристократии приобретали в новых землях возможности для усиления феодальной эксплуатации, поскольку экстенсивный путь развития российской экономики и система крепостного права определяла ключевое значение фактора земли в системе существовавших экономических отношений [1, с. 15-16].

Не меньшее значение в начале XIX в. Северный Кавказ имел и для Османской империи

– ведущего геополитического игрока, прямую или опосредованно контролировавшего Северный Кавказ на протяжении нескольких столетий, однако вошедшего во второй половине XVIII в. в эпоху своего исторического заката. Для Османской империи, как и для России, Северный Кавказ был критически важен в силу трех основных факторов – с позиции геополитического влияния, экономического потенциала и цивилизационно-культурного значения [15, с.43].

С точки зрения расклада сил на мировой арене Северный Кавказ имел для Османской империи особое значение не только как ключевой регион, позволявший эффективно контролировать большие части черноморского и каспийского побережья, но и как фундаментально важный транзитный пункт, позволявший проецировать военную силу сразу в нескольких важных направлениях – в направлении Черного моря и Крыма, Закавказья и Переднего Ближнего Востока, Ирана и региона средней Азии [7, с.111]. Утрата контроля над Северным Кавказом означала для Османской империи не только потерю влияния над всеми перечисленными выше частями Евразии, но также и неприемлемое усиление России на этих территориях, что, учитывая исторические амбиции России по восстановлению православной Византийской империи на месте Османской империи, носило для Османской империи характер экзистенциальной угрозы.

С экономической точки зрения Османскую империю интересовали на Северном Кавказе не только его земельные и иные природные ресурсы, но и логистические возможности. Северный Кавказ в начале XIX в., как и в эпоху современную эпоху, позволял твердо контролировать все потоки товаров, направляемых через Черное и Каспийское моря, а также через Кавказ с востока на запад и обратно. На протяжении многих веков контроль над данными товарными потоками обеспечивал Османской империи, а до ее утверждения и Византии, особые экономические преференции.

Наконец, контролирование пространства Северного Кавказа носило для османского военно-политического и религиозного руководства самостоятельное культурно-историческое значение. Как Российская империя стремилась восстановить единство общехристианского пространства через присоединение Грузии и Армении, так и Османская империя, и османский султан как халиф правоверных мусульман не мог допустить ситуации усиления власти

русского императора над народами Северного Кавказа, многие из которых уже находились в орбите исламского мира [16, с.19–34].

Сложное столкновение политических, экономических и культурных интересов Российской и Османской империй в регионе Северного Кавказа в начале XIX в. обуславливало невозможность мирного распределения региона на зоны влияния двух стран, что, в свою очередь, делало перспективу военного противостояния между ними на Кавказе до полного поражения одной из сторон неизбежной [11, с.242].

Основные предпосылки для обострения конфликта между Османской и Российской империями на Северном Кавказе были заложены уже в XVIII в., когда Россия начинала предпринимать первые попытки усиления своих позиций в регионе. Данные попытки вошли в состояние острого противоречия с интересами главного регионального игрока на Кавказе – Османской империи – и контролируемого османами Крымского ханства – исторического противника России, столетиями наносившего значительный экономический ущерб и являвшегося угрозой для безопасности Российского государства. Многочисленные этнические группы на Кавказе, прежде всего, адыгские народы, вынужденным образом балансировали между двумя центрами силы, на протяжении XVIII в. все больше сдвигаясь в сторону российской геополитической орбиты [3, с.76].

Одной из важных причин поступательного укрепления влияния России на Северном Кавказе являлось наличие общей угрозы для адыгских народов Северного Кавказа и России в этот период, представленной в виде Крымского ханства, осуществлявшего многочисленные, набеги на русские, так и на кабардинские земли. Только в период первой половины XVIII века крымским ханом при поддержке Османской империи было осуществлено семи военных походов на кабардинские земли – в 1702, 1705, 1707, 1711, 1720, 1731 и 1745 гг. [12, с.126]. Ликвидация Крымской угрозы стала одной из ключевых задач как для автохтонных народов Северного Кавказа, так и для России, что создало естественные предпосылки для утверждения России на большей части северо-западного Кавказа уже к концу XVIII в. [2, л.11].

Укрепление Российской империи на пространстве Северного Кавказа, одновременно сопровождавшего упадком региональной и международного влияния самой Османской империи, стало основным трендом этнополитического развития Северного Кавказа во вто-

рой половине XVIII века. Две русско-турецкие войны екатерининской эпохи – 1768–1774 гг. и 1787–1791 гг. – сформировали в регионе принципиально новый баланс сил [17, с.18–24]. В результате этих процессов значительные территории северного Причерноморья и Северного Кавказа стали частью Российской империи, Крымское ханство как подчиненное османам геополитическое образование перестало существовать и на его территории была создана новая область Российской империи – Новороссия, а большое количество этнических групп на Северном Кавказе, в том числе часть адыгских и вайнахских народов, приняли Российское подданство [14, с.76].

Мощная трансформация этнополитического ландшафта на Северном Кавказе и на северном берегу Черного моря имела ряд принципиальных следствий для мировой политики и этнополитической стабильности в регионе. Во-первых, Россия окончательно превратилась в важную черноморскую державу и частично реализовала свои исторические амбиции, направленные на получение доступа к теплым морям. Занятие больших пространств на южном фронтире обеспечивало России мощный плацдарм для дальнейшего её продвижения в избранном направлении, а ослабление Османской империи вселяло надежду на присоединение большинства территорий, подконтрольных ранее туркам, в том числе и Константинополя [18, с.18]. Идеологической основой для реализации данных планов должен был стать сформированный императрицей Екатериной Второй «греческий проект» – проект воссоздания Византийской империи за счет ликвидации турецкой государственности [13, л.49].

Во-вторых, чрезмерное усиление России за счет ослабления позиций Османской империи повысило интерес великих европейских государств, прежде всего Великобритании и Франции, к региону Северного Кавказа, увидевших в нем пространство, имевшее мощный потенциал, который можно было бы использовать для сдерживания дальнейшего продвижения России в сторону Османской империи [9, с.41]. Повышение роли Кавказа и его становление в качестве площадки потенциально геополитического конфликта между великими державами также усилил культурный интерес России и европейских стран к данному региону, сформировал предпосылки для изучения Северного Кавказа российскими и западными исследователями в контексте набиравшего силу в начале XIX в. интереса к проблематике ориентализма. Таким образом, полити-

ческий интерес Запада и России к Северному Кавказу превратил его в один из новых центров развития ориентализма [19, с.113].

Наконец, исторические поражения Османской империи от России в двух последовательных войнах создали почву для усиления в Османской империи мощных антирусских настроений, что стало предпосылкой для набиравшего обороты османского реваншизма, эффективно направляемого на протяжении всего XIX в. европейскими державами для реализации собственных геополитических интересов, главный из которых заключался в ослаблении Российской империи. Данные факторы в начале XIX в. сформировали на Северном Кавказе крайне опасную военнополитическую конъюнктуру [8, с.30].

Набиравший ход событий способствовал разжиганию в регионе чрезвычайной нетерпимости к укреплению российских позиций. Готовность европейских и османских политических элит к безграничному повышению ставок в геополитическом противостоянии России на Северном Кавказе, включая такой мощный ресурс стратегии, как использование направляемого османами исламского фактора для противодействия русским, выведившего войну с ними в статус священной войны за веру. Вкупе с решимостью российской стороны утвердить свою власть на Кавказе, усилия её противников стали основой для бескомпромиссной жесткости ведения боевых действий, которая было характерна для Кавказской войны как одной из самых сложных военных кампаний, осуществленных в истории России [10, с. 456].

Жесткий характер российско-турецкого противостояния на пространстве Северного Кавказа в начале XIX в. стимулировал интенсификацию этнополитического противостояния в регионе и привел к эскалации конфликта между локальными этническими группами, не пожелавшими присоединиться к посулам, исходившим от Санкт-Петербурга [10, с. 123]. Параллельно с этим, принципиальная заинтересованность Османской империи и ее западных союзников в ограничении возможностей геополитического влияния России, стало основным фактором, приведшим к использованию османами самого широкого спектра политических, военных и культурных инструментов поддержки любых форм антироссийского движения [12, с.135].

Противостояние России и Турции стало носить как прямой, так и опосредованный характер. Стремление османов вернуть потерянные в ходе предыдущих русско-турецких войн

кавказские территории стало одним из основных мотивов начала русско-турецкой войны 1806–1812 гг., однако военное поражение Османской империи в этом конфликте не позволило ей достичь поставленных целей. Положения Бухарестского мирного договора 1812 г. не только не ослабили позиции России на Кавказе, но и способствовали повышению легитимности расширения российских владений в регионе, поскольку сама Турция вынуждена была признать в итоговом мире новый региональный статус-кво [18, с.16].

Стремление османской династии вернуть контроль над Северным Кавказом, практически полностью перешедшим в сферу влияния России, обернулось многочисленными военно-политическими эксцессами, сформировавшими условия для сохранения перманентной угрозы новой военной эскалации. Так, в частности, на протяжении двух лет, с 1813 по 1815 гг., турецкая армия предпринимала множественные попытки вытеснения русских частей с территории Сухуми, отошедшего к России по итогам Бухарестского мира, что способствовало поддержанию дополнительной напряженности в регионе. Окончательная ликвидация угрозы иранского влияния на конфигурацию расстановки сил на Кавказе, достигнутая Россией в ходе русско-иранской 1826–1828 гг. и подписанного по ее итогам Туркманчайского мирного договора, также привела к усилению антирусской политики на Кавказе со стороны Османской империи и Великобритании, действовавшей в регионе посредством оказания влияния на официальный Константинополь [6, с.43].

Претензии в конце 20-х гг. XIX в. со стороны России на роль единственного агента, способного эффективно контролировать пространство Северного Кавказа, содействовало сближению мнений в Европе и Турции о необходимости противостояния России всеми возможными способами. С этого момента и на протяжении практически всего XIX в. Османская империя, вдохновляемая и поддерживаемая европейскими союзниками, использовала самые разные механизмы подрыва российской политики на Кавказе. Прежде всего, османы играли основную роль в обеспечении военно-технической, а также идеологической поддержки антирусского движения на Северном Кавказе. При прямой поддержке Османской империи Кавказская война оказалась для России мощным военно-политическим вызовом, поскольку Турция и ее западные союзники подстрекали локальные этнические группы (чеченские и да-

гестанские народности, адыгские народы – кбардинцев, черкесов, ногайцев и так далее) не только осуществлять антирусские вылазки на региональном уровне, но и поддерживали антирусское движение в период русско-иранской войны 1826–1828 гг. [11, с.240].

Принять на вооружение стратегию поощрения антирусской борьбы автохтонных народов, значительно осложнявшей процесс интеграции Северного Кавказа в общерусское цивилизационное поле, вынудило османов отсутствие достаточных средств и сил для прямого противодействия России. В силу отсутствия достаточной военной мощи османское руководство делало ставку на идеологические инструменты, содействовавшие и направлявшие противостояние под лозунгом борьбы с иноверцами, которые уже ранее были апробированы османскими властями в конце XVIII в., во время движения Шейха Мансура [5, с. 54].

Данное движение имело под собой серьезные основания, поскольку усиление российского военного присутствия на Кавказе в этот период, в том числе и строительство мощной линии русских укреплений в регионе, названную позднее Кавказской кордонной линией, естественным образом способствовало росту противоречий между интересами Российской империи и локальных горских сообществ, практиковавших набеги на русские поселения [6, с. 44-45].

Присутствие русской армии ограничивало возможности для ведения горскими народами традиционного образа жизни, привносило в жизни кавказских этносов модернизационные веяния, что вызывало рост напряженности в отношениях между народами. Однако именно турецкое идеологическое влияние в значительной степени перевело данное противостояние русских и горцев в ранг священной борьбы мусульман против иноверцев [7, с.15]. Практика продвижения Турцией идеи газавата на Северном Кавказе, использованная в рамках кейса движения Шейха Мансура, стала основным средством противостояния России на Северном Кавказе на всем протяжении Кавказской войны в XIX в.

Последствия османской поддержки антирусского движения Шейха Мансура, равно как и последовавших за ним другим близким по своим целям и методам борьбы движений, привело к серьезной трансформации этнополитической картины Северного Кавказа и имело преимущественно трагические последствия для региона [4, с.123]. Прежде всего, использование религиозных лозунгов перевело про-

тивостояние между горцами и черкесами с одной стороны, и русской имперской администрацией с другой стороны, на качественно новый уровень. Если сохранение этого конфликта на уровне войны, вызванной социально-политическими и экономическими причинами, сохраняло в себе потенциал для поиска компромиссного для сторон выхода из противостояния, то спровоцированная турками трансформация кавказской войны в столкновение двух антагонистических версий будущего Северного Кавказа – модернизации и вступления в российское цивилизационное поле или трансформации региона в новый самостоятельный центр исламского мира – не оставило воюющим сторонам шанса на компромисс и превратило Кавказскую войну в игру с нулевой суммой [9, с.12].

Кроме того, придание боевым действиям на Северном Кавказе статуса священной войны со свойственной для нее бескомпромиссностью оказало огромное влияние на методы ведения войны обеими сторонами. Этнические группы Северного Кавказа (чеченцы, дагестанские и адыгские народности) активизировали практику набегов на русские поселения и укрепления, видя в них уже не только экономический резон, но и некую форму религиозной войны. В ответ на это русская армия также взяла на вооружение практику максимально жесткого подавления внешней угрозы, что значительно повысило степень жесткости боевых действий как с точки зрения сопутствующего экономического ущерба, так и с позиции потерь в живой силе [2, л.24].

Наконец, турецкая поддержка антирусского движения на Северном Кавказе значительно усилила продолжительность течения Кавказской войны, неожиданным следствием чего стало повышение интереса русского населения к культуре, традициям и практикам жизни местных народов. Военная необходимость в

познании образа жизни военного противника, неизбежные требования к адаптации русских к непривычным условиям местной среды, а также свойственное людям любопытство привело к своеобразной «ориентализации» русского населения Северного Кавказа. В результате этих процессов, на Северном Кавказе на протяжении XIX в. наметился поступательный процесс сближения русской и горской культур, повысилась степень взаимопонимания между народами, а ряд нравственных ценностей кавказских народов были воспеты в рамках русской классической литературы.

Результаты / Results. На основе проведенного исследования мы можем сделать однозначный вывод о том, что геополитическое противостояние России и Османской империи на Северном Кавказе в первой половине XIX века оказало на развитие региона значительное влияние. Высокая интенсивность боевых действий и жесткий характер военного конфликта между локальными народностями Северного Кавказа и поддерживавшей их Турции с одной стороны и Российской империи с другой стороны, привели к трагическому усилению этнополитического противостояния в регионе. Позитивным следствием данного противостояния стала интенсификация ориенталистских исследований, организованных представителями русской армии, политики и культуры. Данные процессы стимулировали рост интереса российских исследователей в самых разных областях науки и культуры – от историков, археологов и этнографов до поэтов, писателей и художников – к культурной жизни и национальной самобытности народов Северного Кавказа. Прямым следствием укрепления России в регионе стало включение его в российский цивилизационный ареал, а также привнесение тематики и эстетики Кавказа в русскую научную и литературную жизнь.

Литература

1. Адзинова З. Ю. Северо-западный Кавказ в контексте геополитических интересов противоборствующих держав в первой трети XIX века // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2017. Вып. 1. С. 11–16.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Ф. 115 Кабардинские, черкесские и другие дела. Оп. 115/1. 1766–1768 гг. Д. Б./н.
3. Архив Государственного совета. Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768–1796 гг.). Санкт-Петербург: Типография Второго отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1869. Т. I. Ч. I-II. 1106 с.
4. Ахмадов Ш. Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века. Элиста: Джангар, 2002. 528 с.
5. Виноградов Б. В. Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII - начала XIX века. Славянск-на-Кубани: ИЦ СГПИ, 2009. 154 с.
6. Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Русская панорама, 2001. 367 с.
7. Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. СПб.: Типография Департамента уделов, 1872. 432 с.

8. Исмаилов Э., Папава В. Центральный Кавказ: история, политика, экономика. М.: Мысль, 2007. 294 с.
9. Кидирниязов Д. С. Дагестан и Северный Кавказ в политике России в XVIII - 20-е гг. XIX в. Махачкала: Алеф, 2013. 456 с.
10. Кидирниязов Д. С., Лысенко Ю. М. Влияние Турции на распространение мюридизма на Кавказе (к истории вопроса) // Исламоведение. 2014. № 1. С. 30–37.
11. Митрофанова А. И. К вопросу о политике Османской империи на Кавказе в XIX веке // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2019. № 1. С. 239–243.
12. Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах и лицах. СПб.: Типо-лит. Р. Голике, 1885. Т. 2. 634 с.
13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 13. Д. 1157.
14. Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. М.: Соцэкгиз, 1958. 345 с.
15. Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI-XVII вв. М.: МГУ, 1946. Т. 2. 172 с.
16. Сотавов Н. А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М.: Наука, 1991. 382 с.
17. Таки В. Царь и султан. Османская империя глазами россиян. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 294 с.
18. Федосеева Л. Д. Интересы России и Турции на Северо-Западном Кавказе в первой половине XIX века // Вестник Адыгейского государственного университета. 2007. № 2. С. 15–18.
19. Шишков В. В. Османская Империя: от завоевания и интеграции периферий к попыткам модернизации // Социум и власть. 2012. № 6. С. 111–115.

References

1. Adzinova ZYu. Northwestern Caucasus in the context of geopolitical interests of warring powers in the first third of the 19th century. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 2017;1:11-16. (In Russ.).
2. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVP RI). F. 115 Kabardian, Circassian and other affairs. Inv. 115/1. 1766–1768. D. Without a number. (In Russ.).
3. Archive of the State Council. Council during the reign of Empress Catherine II (1768–1796). Saint Petersburg: Printing house of the Second branch of the Own E.I.V. office; 1869. Vol. I. Parts I-II. 1106 p. (In Russ.).
4. Akhmadov ShB. Chechnya and Ingushetia in the 18th - early 19th centuries. Elista: Dzhangar; 2002. 528 p. (In Russ.).
5. Vinogradov BV. Integrative projects and disintegrating factors in Russian-North Caucasian relations at the end of the 18th - beginning of the 19th century. Slavyansk-on-Kuban: IC SGPI; 2009. 154 p. (In Russ.).
6. Degoev VV. The Great Game in the Caucasus: history and modernity. Moscow: Russian Panorama; 2001. 367 p. (In Russ.).
7. Dubrovin NF. The history of war and Russian rule in the Caucasus. Saint Petersburg: Printing house of the Department of Appanages; 1872. Vol. 2. 432 p. (In Russ.).
8. Ismailov E, Papava V. Central Caucasus: history, politics, economics. Moscow: Mysl; 2007. 294 p. (In Russ.).
9. Kidirniyazov DS. Dagestan and the North Caucasus in Russian politics in the 18th – 20-s of the XIX century. Makhachkala: Aleph; 2013. 456 p. (In Russ.).
10. Kidirniyazov, DS., Lysenko YuM. The influence of Turkey on the spread of muridism in the Caucasus (on the history of the issue). *Islamovedenie*. 2014;1: 30-37. (In Russ.).
11. Mitrofanova AI. On the issue of the policy of the Ottoman Empire in the Caucasus in the 19th century. *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A. P. Chekhova*. 2019;1:239-243. (In Russ.).
12. Potto VA. The Caucasian War in selected essays, episodes and persons. Vol. 2. St. Petersburg: Printing house R. Golike; 1885. 634 p. (In Russ.).
13. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 210. Inv. 13. D. 1157.
14. Smirnov NA. Russian policy in the Caucasus in the 16th-19th centuries. Moscow: Sotsekiz; 1958. 345 p. (In Russ.).
15. Smirnov NA. Russia and Turkey in the XVI-XVII centuries. Moscow: MSU; 1946. Vol. 2. 172 p. (In Russ.).
16. Sotavov NA. North Caucasus in Russian-Iranian and Russian-Turkish relations in the 18th century. Moscow: Nauka; 1991. 382 p. (In Russ.).
17. Taki V. Tsar and Sultan. The Ottoman Empire through the eyes of Russians. Moscow: New Literary Review; 2017. 294 p. (In Russ.).
18. Fedoseeva LD. Interests of Russia and Turkey in the North-West Caucasus in the first half of the 19th century. *Vestnik Ady'gejskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2007;2:15-18. (In Russ.).
19. Shishkov VV. Ottoman Empire: from conquest and integration of peripheries to attempts at modernization. *Socium i vlast'*. 2012;(6):111-115. (In Russ.).